

© 1998 г. Г.Ф. БЛАГОВА

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТИПОВ РАННЕТЮРКСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Посвящая эту статью светлой памяти Георгия Андреевича Климова, мы имели в виду то обстоятельство, что этому крупному ученому-компаративисту нечужд был интерес к ономастике, в частности к антропонимии; во всяком случае внимание к родовым фамилиям, как и к топонимам, нашло отражение в подготовленном им к печати расширенном издании его Этимологического словаря картвельских языков на английском языке – "Etymological dictionary of the Kartvelian languages" (Berlin, в печати).

Смолоду присущие Г.А. Климову преданность науке (картвелистике, общему языкознанию), глубокий профессионализм¹ побудили Никиту Ильича Толстого рекомендовать ученого на должность ответственного секретаря редакции в самый сложный, переломный период истории журнала. Георгий Андреевич проработал в этой должности более четверти века, с 1971 г. по день своей внезапной кончины.

Г.А. Климов всемерно способствовал поддержанию тех научных традиций ВЯ, которые были заложены основателями журнала, потому что эти традиции глубинно соответствовали его научным устремлениям, научной честности, порядочности, человечности.

*

В отечественной компаративистике последних десятилетий требование системной реконструкции предъявляется не только к исконной лексике, но и к "экстрасистеме" – заимствованиям и ономастике [СИИЯРС 1988: 9, 197]. Взгляд на тюркскую антропонимию, важное составляющее тюркской ономастики, как на экстрасистему, занимающую свое, особое место в реконструкции пратюркского лексикона, отражен в четвертом томе продолжающегося коллективного труда "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика" [СИГТЯ 1997: 6], созданного тюркологами Института языкознания РАН во главе с чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишевым² [см. СИГТЯ 1984; СИГТЯ 1986; СИГТЯ 1988]; при этом большое значение придается этнолингвистическому, социолингвистическому, культурологическому аспектам исследования. Реконструкция пратюркской антропонимической системы (АС) выполнена нами в рамках лексического тома "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков" и представлена там самостоятельной главой "Антропонимия" в той части "Лексико-семантического тезауруса", которая посвящена миру человека [СИГТЯ 1997: 619-723].

В настоящее время нами реконструировано 92 онимизованных лексемы. Удалось установить, какие из этих лексем в древности использовались в качестве реальных

¹ Достаточно сказать, что уже в 60-е годы Г.А. Климов был известен как автор "Этимологического словаря картвельских языков" (к моменту издания Словаря ему было всего 36 лет); к 1971 г. это был давний и постоянный автор ВЯ.

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 96-04-16028.

личных имен, а какие – в качестве реальных компонентов личных имен и, наконец, какие – в качестве тех и других; любую из таких реализаций онимизованной лексемы мы называем антропонимической единицей (АЕ). С учетом конструктивного функционирования АЕ нами реконструировано более 150 пратюркских личных имен. И это, естественно, никоим образом не закрытый список: с расширением компаративистических (или хотя бы синхронических сравнительных) исследований в области тюркской антропонимии, этот список безусловно будет пополняться.

Классификация реконструируемых личных имен основывается на критериях как семантических, так и структурных. Опорой при этом был принцип двоянного – семантико-категориального – учета, во-первых, общности слов (от которых образованы личные имена) по тематическому признаку, а во-вторых, принадлежности их к одной части речи. Построенная таким образом классификация представляет собою такую совокупность понятийно-грамматических групп, которая позволяет реконструировать семантическую структуру пратюркской АС. Реконструируемый пратюркский антропонимикон предстает, таким образом, не как некое мозаическое собрание разрозненных личных имен, но как строго структурированная система со столь же отлаженным семантическим "костяком" – семантической структурой, в которой нет места "случайным" именованиям, ср. [Rásonyi 1953: 328; Rásonyi 1964: 231].

При опоре на произведенную системную реконструкцию стало возможным приблизиться к проблеме описания типов раннетюркских антропонимов. При этом нами учитывался опыт сравнительно-исторического изучения ранних славянских этнонимов и их типов, осуществленный О.Н. Трубачевым [Трубачев 1974]. В своем описании типов раннетюркских антропонимов мы вслед за О.Н. Трубачевым использовали как семантические, так и формальные принципы классификации, дополнив их комбинаторно-сочетательными – в соответствии со спецификой тюркской антропонимии. Кроме того, в своем описании мы исходили из исторически установленного Л.Н. Гумилевым факта, что раннетюркские антропонимы представляли собой "не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища" [Гумилев 1967: 82–83].

При рассмотрении поставленной проблемы мы исходим из комплексного системного подхода к изучению тюркской антропонимии и опираемся на результаты проведенного исследования. Нами вычленены нижеследующие ряды семантических, формальных, а также комбинаторно-сочетательных признаков, характеризующих раннетюркские антропонимы, их классификационные группы и подгруппы.

И. Семантические признаки. Таких признаков мы насчитываем три.

1) Тесная связь личных имен с апеллятивной лексикой и прозрачность их этимологии в отношении к семантической структуре раннетюркской антропонимической системы. Раннетюркские антропонимы по своему происхождению тесно и широко связаны с апеллятивной лексикой и поэтому сравнительно легко поддаются разветвленной и дробной семантической классификации. Так, например, антропонимические единицы отражают в себе наименования понятий круга "Мир природы", в том числе: а) неба, небесных тел, метеорологических и атмосферных явлений (*täŋri* 'небо', 'Бог', *kün* 'солнце', *a:j* 'луна', *julduz* 'звезда', *ajaz ~ ajas* 'ясное (о небе)', 'сильный холод при ясной погоде', *qaqar ~ qar* 'снег', *tuman* 'туман', *boran* 'буря'); б) названия металлов, минералов (*temir ~ temür* 'железо', *altyn ~ altun* 'золото', *kümüš* 'серебро', *taš* 'камень'); в) названия из разряда зоологической лексики (дикие животные: *arslan* 'лев', *bars* 'тигр', *qaban* 'кабан', *böri* 'волк'; домашние животные: *buŋra* 'верблюд-самец', *buqa ~ buŋa (~boŋa)* 'бык-производитель', *taj* 'жеребенок', *qulun* 'жеребенок', *tekä* 'козел', *it ~ yŋ* 'собака'; птицы: *quš* 'птица', *toŋryl ~ toŋryl* 'сокол', *la:čyn* 'сокол', *tuŋmtaj* 'ястреб', *qarluŋač* 'ласточка'; рыба: *ba:lyu ~ ba:lyq* 'рыба'). Как видно уже из этого выборочного перечня, принятый нами комплексный подход позволяет очертить в основном семантическую структуру раннетюркской антропонимической системы: в перспективе это открывает путь к тому, чтобы, опираясь на "исходные" значения они-

мизованных лексем – односоставных имен и компонентов сложносоставных имен, построить модель картины мира, каким его видел древний тюрк (см. [СИГТЯ 1997: 702 – 723]).

Необходимо, однако, подчеркнуть особо, что несмотря на теснейшую связь онимизованных лексем с апеллятивной лексикой и соответственно – на прозрачность этимологии таких лексем, семантическая структура тюркской антропонимической системы существенно отличается от семантической структуры апеллятивной лексики. Эти отличия обеспечиваются, во-первых, специфичностью отбора онимизуемых лексем (см. ниже о связи раннетюркских личных имен с верованиями, этническими традициями древних тюрков). Хотя в древнетюркской АС в большей мере, чем, например, в древнегерманской АС, отражена бытовая и другая сугубо "земная" лексика (заметная ориентированность древнетюркской антропонимии на бытовую сторону жизни и обычаи в противовес тому, что древнегерманские имена считаются "специфическими сочетаниями поэтического типа" [Топорова 1996: 135])³, не приходится, разумеется, говорить ни о совпадении корпуса апеллятивной лексики и круга онимизованных лексем в количественном плане (при той избирательности в процессе онимизации, которая строго регламентирована экстралингвистическими факторами), ни о совпадении их семантических структур. Во-вторых, апеллятив и соответствующая онимизованная лексема (АЕ) при всей прозрачности этимологии этой последней в тюркских языках, как правило, не могут полностью совпадать и семантически. Дело в том, что лексическое значение онимизованной лексемы в тюркских языках предстает опосредованным через древние верования (мифологизацию, оживотворение обозначаемых объектов), через позднейшую метафоризацию; все это также не может не сказаться на особенностях семантической структуры пратюркского антропонимикона и в целом – на характере АС как экстрасистемы.

2) Специфичность семантической структуры раннетюркского антропонимикона – в отражении мифологем, верований и этнических традиций древних тюрков. Совокупности (группы или подгруппы) раннетюркских антропонимов сохраняют теснейшую связь с древними этническими традициями тюрков, прежде всего с традициями наречения именем младенца. "По древним народным представлениям, имя обладает магической силой, якобы влияющей на всю судьбу человека, и поэтому выбору имени придавалось особое значение" [Манас 1984: 519 примеч. 75]. Недаром среди алтайских "обманных" имен существует *adyjoq* (< *ady d'oq* 'имени у него нет') [Баскаков 1947: 207]. О страданиях человека без имени красочно повествует якутское олонхо [Емельянов 1990: 123] Ср. русск. "без имени ребенок – чертёнок" (ДІВ: 598).

"Звериные" имена – *böri*, *qurt* 'волк'⁴, *buqa* 'бык', *bars* 'тигр' и др. – это мифологемы, они указывают на "принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю – зверю" [Гумилев 1967: 82], см. также древние мифологические мотивы в якутских олонхо о чудесных детях, рожденных в образе птиц, о чудесном быке-сыне родоначальника [Емельянов 1990: 136]. В таких именах сохраняются черты чрезвычайной этно-культурной архаики. С утратой этой мифологической актуальности в современных условиях некоторые из таких имен претерпели метафоризацию, в результате чего превратились в имена-пожелания, у казахов, например, чтобы новорожденный был зорким, бдительным, мужественным,

³ Установленный нами факт известной "заземленности" части древнетюркских АЕ по сравнению с древнегерманским антропонимиконом может быть проиллюстрирован следующими примерами. Мир вещей, крайне скудно отраженный в древнегерманских именах собственных [Топорова 1996: 131], в именах древних тюрков представлен четырьмя семантическими группами: а) металлы ('железо', 'золото', 'серебро'), б) предметы бытового обихода ['одеяние', 'кайма, оборка (одежды)', 'пуговица', 'ложка', 'солома', 'зола'], в) орудия труда ['сеть (рыболовная)'], г) объекты, наименования которых используются для отрицательной оценки нарекаемого ('навоз', 'экскременты', 'рвота'). Названия частей тела живого существа, вовсе отсутствующие в древнегерманском антропонимиконе, в древнетюркской АС представлены лексемами со значениями 'голова', 'глаз', 'ладонь', 'нога', 'кожа', 'волосной покров'.

⁴ Подробно о мифологеме 'волк – волчица' [Tryjarski 1995: 55–69].

давались имена *bürkit* (< 'беркут'), *lašın* (< 'сокол'), *arystan* (< 'лев') [Жанузаков 1970: 200].

Во многих именах, связанных с зоологической лексикой, отражаются такие традиционные хозяйственные уклады тюрков, как скотоводство; см. имена с компонентами *buŷra* (< 'верблюд-производитель'), *buqa* ~ *buŷa* (< 'бык-производитель'), *taj*, *qulun* ['жеребенок (разного возраста)'], охотничий промысел [*qaban* (< 'кабан'), *tilkü* (< 'лисица')].

В архаических именах, связанных с названиями неба (Бога – *täŋri*), небесных светил, отразился тот исторический факт, что древние тюрки-язычники поклонялись "Духу Неба", солнцу (*kün*), луне (*aj*), звездам (*julduz*) [Гумилев 1967: 78; Емельянов 1990].

В якутских олонхо происхождение одного из легендарных родоначальников увязывается с метеорологическими и атмосферными явлениями: по одной версии – с белым облаком и белым легким снегом, по другой – с темной тяжелой тучей, градом-дождем, буйным вольным ветром [Емельянов 1990: 58]. Можно предположить, что личные имена с соответствующими компонентами – *bulut* 'облако', *qar* ~ *qayar* 'снег', *jaŷmur* 'дождь', *horan* 'буря' – восходят именно к подобным генеалогическо-метеорологическим мотивам и отражают древний культ мифических родоначальников тюркских племен. В современных тюркских антропонимических системах имена языческого происхождения так же, как и звериные имена, подверглись переосмыслению. Так, по наблюдению В.А. Никонова, узб., *aj* 'луна' в современном узбекском антропонимиконе стало своего рода "служебным имяобразующим элементом", см., к примеру, *tatjan-aj* (СЛИ 1986: 313, 314). Личные имена с компонентом *bulut* 'облако' толкуются в настоящее время в том смысле, что новорожденный появился на свет при облачной погоде; с компонентом *qar* или *jaŷmur* – при снегопаде или во время дождя и т.д.; по терминологии Рашоньи Л., это так называемые "случайные" именованья [Rásonyi 1953: 328]. К таковым же относится и личное имя *tuman* [в "Записках охотника" ("Малиновая вода") И.С. Тургеневым зафиксировано русское прозвище *Туман*]. Однако еще в начале XX в. этнограф В.Ф. Трощанский высказывал догадку, что в дохристианских верованиях тюрков Сибири, и прежде всего якутов, метеорологические, особенно атмосферные явления могли связываться с миром человека, его благосостоянием [Трощанский 1911: 269]. И, действительно, такую связь находим в средневековом факте наречения младенцу имени *tuman*, о чем писал Абу-л-Гази хан хивинский в своей "Родословной туркмен" [Кононов 1958: 58], ср. также осмысление этого имени узбеками как 'богатый', 'зажиточный', 'благополучный' [Менажеев и др. 1968: 81]. Подробно о связи личного имени с древними традициями и верованиями, о сохранении таких связей, например, у башкир, тувинцев, якутов до настоящего времени см. [СЛИ 1986: 305–306, 359 и сл.].

С этническими традициями тюрков тесно связано их традиционно-патриархальное самосознание, которое проявляется в обостренном чувстве племенной сплоченности, в уважительной памяти к самым далеким своим предкам и соответственно – к их именам. Традиционно-патриархальным самосознанием тюрков обусловлены разветвленная система родства, соответственно система терминов родства и вместе с тем – проникновение в тюркскую антропонию целого ряда таких терминов, закрепление их там на многие века. См. АЕ, восходящие к названиям родственников; старших и младших: *ata* 'отец', *baba* 'отец', 'дед (со стороны матери)', *apa* 'отец', 'старший брат' / 'мать', 'старшая родственница (отца)', *tama* 'бабушка', 'старший родственник', *oŷul* 'сын', *quz* 'дочь', 'девочка', *kenč* ~ *kenže* 'младший из детей (в семье)', *jegän* 'племянник', 'внук' (по женской линии).

3) Бинарные и полиарные оппозиции как специфика семантической структуры раннетюркского антропонимикона.

Антропонимы, главным образом – сложносоставные, могут соединяться в некоторые совокупности, организованные по принципу бинарности, а в ряде случаев –

множественности (полиарности) семантических противопоставлений. Совокупности таких антропонимов, между которыми семантические противопоставления осуществляются чаще всего за счет цветообозначающих прилагательных, особенно развернуто представлены в среднекыпчакском антропонимиконе (XIII в.), описанном М.Т. Хаутсмой в конце прошлого века [Houtsma 1894: 29, 31–32]. Примеры: *aq taj* 'белый жеребенок' – *qara taj* 'черный жеребенок' – *qonqur taj* 'черносерый жеребенок'; *aqıǵ* (< *aq quǵ*) 'белая птица' – *qara quǵ* 'черная птица' – *ala quǵ* 'пестрая птица' – *boz quǵ* 'серая птица'; *aq sunqar* 'белый сокол' – *qara sunqar* 'черный сокол'.

Не менее многообразными, индивидуализированными и сложными являются семантические противопоставления в так называемых "двойных именах", см. [Houtsma 1894: 32–34]. Так, наряду с цветовой бинарной оппозицией вроде *aq boǵa* 'белый бык' – *qur buǵa* 'сероватый бык' М.Т. Хаутсма приводит и другие цепочки противопоставлений, где инициальными компонентами являются существительные, различающиеся а) по признаку металлов, драгоценных и, так сказать, "боевого": *altun boǵa* 'золото-бык' – *gümüş boǵa* 'серебро-бык' – *timür boǵa* 'железо-бык'; б) по признаку животных, хищных и домашних: *arşlan boǵa* 'лев-бык' – *taj boǵa* 'жеребенок-бык'; в) по признаку пространственных характеристик: *tiŋgiz boǵa* 'море-бык' – *il boǵa* 'страна-бык' [Houtsma 1894: 32, 33, 34], но ср. *el quǵ* 'птица, похожая на орла' [ДТС 1969: 169]. Противопоставление могло проводиться по линии не только инициального компонента, но и непервого (второго по порядку следования) компонента при неизменности первого компонента. См. *taj timür* 'жеребенок-железо' – *taj boǵa* 'жеребенок-бык' – *taj bars* 'жеребенок-тигр'; *er taşı* 'муж-камень' – *er quǵ* 'муж-птица' – *er toǵrul* 'муж-сокол'.

Судя по подборкам М.Т. Хаутсмы, демонстрирующим разветвленность семантических противопоставлений, по обилию конкретных примеров, в древности таким противопоставлениям придавалось особое значение.

В отдельных современных тюркских языках зафиксированы только осколки таких противопоставлений. См., например, в татарском: *qara taj* [ИЭИ 1989: 77] 'черный жеребенок' – *aq buǵa* 'белый бык', *bars buǵa* 'тигр-бык', *buǵa arşlan* (> *buǵurşlan*) 'бык-лев' [Саттаров 1981: 29, 43, 50]. Иногда различные члены цветового противопоставления зафиксированы по разным языкам: тур. осм. *kara kuş* 'черная птица' и башк. *aq qoş* 'белая птица'.

II. Формальные признаки типов раннетюркских антропонимов. Таких признаков мы насчитываем два.

1) Специфика распределения онимизованных лексем по частям речи. В пратюркской АС задействовано четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные, глаголы. Особенно многочисленны антропонимические единицы, связанные своим происхождением с существительными, – в пратюркской антропонимической системе они составляют две трети (65 единиц) всего реконструированного нами фонда онимизованных лексем.

Среди прилагательных (а их в пратюркской антропонимической системе реконструировано 14) компактную группу составляют прилагательные цветообозначения (таковых реконструировано четыре: *aq* 'белый', *qara* 'черный', *sary* ~ *saryu* 'желтый', *kök* 'голубой'). Это можно объяснить полисемантической прилагательных этой группы: они привлекаются к обозначению физических примет нарекаемого (цвет волос, глаз), наряду с этим обозначают ориентировку по частям света (например: *qara xan* 'северный хан' – по Габэн), передают также ряд отвлеченных понятий, таких, как, например, мудрость носителя имени, его мощь, долговечность. См.: *aq* 'счастливейший', 'благословенный', 'долгожитель'; *qara* 'могучий', 'великий', *saryu* 'старый', 'умудренный жизнью', *kök* название древнего этнополитического объединения *kök türk* (в татарском *kök* 'святой').

Из числительных в пратюркском антропонимиконе задействованы только количественные, их пять: *iki* '2', *alty* '6', *otuz* '30', *altmyş* '60', *jetmiş* '70'.

Из глаголов задействовано восемь; компактную группу составляют глаголы состояния: *tur-* 'стоять', 'пребывать', *toqta-* 'останавливаться', *tol-* 'становиться полной (о луне)'.

2) Специфичность раннетюркской антропонимии в отношении к морфологии. Каждая из задействованных частей речи в пределах антропонимической системы обнаруживает неодинаковое отношение к словообразовательным и словоизменительным средствам языка.

а) Среди существительных наблюдается большое количество корневых слов. Производные существительные, скорее всего, проникали в АС уже в готовом виде. Примеры древнетюркских АЕ с аффиксами словообразовательными (-*čy*: *tanrıačy* 'хранитель печати' [ДТС 1969: 530], *samančy* 'лицо, имеющее дело с обработкой соломы' [БН У: 505] и уменьшительно-ласкательными (-*čükl-čüq*: *jegänčükl* 'племянничек' [ДТС 1969: 253], *ögäčükl* при *öga* 1. мудрый, мудрец, 2. титул [ДТС 1969: 379, 589], *tekäš* 'козлик' [ДТС 1969: 550]). Существительные в пратюркской АС используются, как правило, в основном падеже. Отмечен единственный случай использования в раннетюркском антропониме аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа [-I]m⁵; др.-уйг. *ögrünč täñrim* 'радость-Небо-мое' [ДТС 1969: 381]. В раннетюркских сложносоставных именах изафетной модели "определение" выступает в основном падеже (безаффиксальном) и при этом компонент-"определяемое" изредка может иметь в своем составе аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа (см. ниже модель 1а).

б) Среди прилагательных меньше корневых слов, и это прежде всего прилагательные цветообозначения. Производные с ныне непродуктивными аффиксами, скорее всего, попадали в АС в готовом виде [например, *uluγ* 'большой', 'великий', *aruγ* 'чистый', *artuq* 'излишний'; *uzun* 'длинный', 'долговязый' (о человеке); *iščän* 'деятельный']. Среди производных прилагательных есть и такие, которые могли быть воспроизведены окказионально, уже в составе антропонимической системы (например, *menlig* 'обладающий родинкой', *turyluq* 'обладающий знаменем, бунчуком', 'знаменщик').

в) Среди числительных количественных представлены два корневых слова (*alty* 'шесть', *otuz* '30'), два производных – они попали в АС в готовом виде (*altmyş* '60', *jetmiş* '70'), как и порядковое числительное ср.-уйг. *ikiči* 'второй'.

г) Среди глагольных АЕ имеются реконструированные глагольно-именные формы, например на -I, -In [*tolu*, *tolun* 'полный (о луне)'], а также причастие на -mIs (в постпозитивном использовании его возможно интерпретировать как нулевую форму 3-го лица ед. числа прошедшего неочевидного времени). Репертуар таких форм значительно шире по современным тюркским языкам. Спецификой тюркской АС является наличие в ней глагольных АЕ – личных форм прошедшего категорического времени и, возможно, прошедшего неочевидного времени изъявительного наклонения (в том и другом случае – безаффиксальное 3-е лицо ед. числа), повелительного

⁵ В памятниках древнетюркской письменности женские личные имена встречаются исключительно редко, поэтому при исследовании раннетюркской антропонимии мы оперировали главным образом мужскими именами и в силу этих объективных обстоятельств мы были лишены возможности прояснить вопрос о хронологической глубине проникновения аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа в женскую антропонимию. Во всяком случае, на рубеже XV–XVI вв. в "Записках" Бабура уже фиксировались многочисленные женские имена, имевшие в своем составе титульные компоненты, снабженные аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа: *aj bik-im* 'луна моя-княгиня', *aq bik-im* 'чистая (или: белотелая) моя-княгиня', *xanzada bik-im* 'рожденная от хана моя-княгиня', *xanzada xan-um* 'рожденная от хана мой-хан'), и даже сложносоставные имена, каждый из двух компонентов которых имеет по такому посессивному аффиксу (*sultan-um bik-im* 'султан-мой княгиня-моя', *mah-im bik-im* 'луна-моя княгиня-моя') [БН У: 484, 495, 504, 507]. Здесь же [БН У: 497, 500, 511] аффикс принадлежности 1-го лица ед. числа встречается и в мужских именах: *mir-im tarqan* 'мой эмир тархан', *sah-im nasyr bek* 'мой-царь Насыр князь', *šajx-im bek* 'мой-старейшина князь'. Подробнее об этом см.: [Благова 1970].

наклонения [нулевая форма 2-го лица ед. числа (ср. русские клички охотничьих собак вроде *Догоняй*) и форма 3-го лица ед. числа на *-sU(n)*], подробно о тюркских личных именах-императивах см.: [Rásonyi 1962]. Примеры: *kün toγdy* (< 'солнце народилось', т.е. возшло), *beg turmuş* (толкуется как "князем станет"), *qutad* 'становись счастливым!', *botasun* [ДТС 115, перевод неясен]. Такие глагольные формы в составе антропонимов воспринимаются в качестве цельных, неразложимых единиц и получают грамматические приметы имени. Подчеркнем, что, например, в древнегерманской антропонимии личные формы глагола не используются совершенно [Топорова 1996: 74]. В современных тюркских языках репертуар глагольно-именных АЕ, в том числе причастий, а также временных форм пополнился.

III. Комбинаторно-сочетательные признаки. Ввиду того, что помимо односоставных личных имен для пратюркской АС в высокой степени характерны сложносоставные имена, в том числе так называемые "двойные имена" (см.: [Houtsma 1894: 32–34; Гордлевский 1913: 33]), учет комбинаторики компонентов внутри сложносоставных имен, как и их "синтаксис", приобретает актуальность. О древнегерманских двучленных именах собственных см. [Топорова 1996]. Как известно, от других лексических категорий личные имена отличаются своей исключительной способностью к "синтаксическому словообразованию", при котором происходит специфическая лексикализация синтаксических конструкций [Старостин 1974: 85]. Поскольку исследование моделей раннетюркских антропонимов должно составлять тему самостоятельной работы, обрисуем такие модели лишь в самом общем виде.

Приводимые ниже модели представлены в нашей реконструкции, во-первых, реальными сложносоставными именами, а во-вторых – так сказать, "наполовину реальными" сложносоставными именами: один компонент в таких именах – реальный, а другой, с ним сочетающийся, варьируется разными лексемами в древних и современных тюркских языках, так что в составе имени реконструируется не сам этот компонент, но его место в соответствующей модели сложносоставного имени.

Наиболее распространенной является модель "имя + имя", в раннетюркской антропонимии она представлена целым рядом разновидностей.

1. Модель "существительное + существительное": оба ее компонента выступают в основном падеже (безаффиксальная форма). Соединение компонентов в раннетюркских личных именах по данной модели практически не имеет формального выражения, поскольку даже место компонента в имени может варьироваться (механизм такого варьирования, его причины и следствия в тюркской антропонимике пока не исследованы). По данной модели сочетаются обычно компоненты из разных семантических групп (подгрупп), причем одним из таких компонентов часто бывает сословный титул (или другой социальный термин). Наиболее обычно его место в постпозиции, хотя такой компонент может выступать и в препозиции. В соответствии с позицией сословного титула внутри личного имени варьируют свои места и компоненты разных семантических групп, например, из группы названий металлов или же зоологической лексики. Ср.: *altun qaγan/qan/xan* 'золото-каган/хан', но *beg temür* 'князь-железо', *baj temür* 'богач-железо'; *arslan tegin* 'лев-принц', *bars beg* 'тигр-князь', *buγra xan* 'верблюд(-производитель)-хан', *taj beg* 'жеребенок-князь', но *beg arslan* 'князь-лев', ср.-уйг. *idi qurt* 'хозяин-волк', ср.-уйг. *baj buγa* 'богач-бык-(производитель)', ср.-уйг. *oγul bars* 'сын-тигр', др.-уйг. *er böri* 'муж(-воин)-волк'⁶. Термины родства, сочетаясь с другими социальными терминами, также могут располагаться в

⁶ Здесь и ниже принята следующая подача языкового материала: без языковых помет приводятся реконструированные сложносоставные имена. Для прочих раннетюркских антропонимов используются сокращения: др.-уйг. – древнеуйгурский, др.-уйг. рун. – язык рунических памятников древнеуйгурского каганата, ен. – язык енисейских рунических памятников, рун. – язык орхонских рунических памятников (Монголия), крх.-уйг. – караханидско-уйгурский, ср.-кылч. – среднекыпчакский, ср.-уйг. – среднеуйгурский.

начале или конце сложносоставного имени: *baba xan* 'отец (~ дед)-хан', *apa tarqan* 'старший родственник-тархан', *oƣul tarqan* 'сын-тархан', *jegän čur* 'племянник-чур (титул)', но ен. *baj apa* 'богач-старший родственник'. "Двойные имена", содержащие оба компонента из числа зоологической лексики, также способны варьировать местоположение своих компонентов: *bars buya* 'тигр-бык(-производитель)', ср.-кыпч. *bars tuyan* 'тигр-сокол', но *büri bars* 'волк-тигр'. По мнению М.Т. Хаутсмы, здесь отражен обычай сочетания двух разных имен, представлявших тотемы племен отца и матери нарекаемого [Houtsma 1894: 33]; на этот же обычай, по-видимому, указывают и двойные мусульманские имена у турок-османцев [Гордлевский 1913: 156, см. также ИО 1977: 183].

Реконструированная модель "существительное + существительное" синкретична; она дает известные основания, опираясь на семантику конкретных компонентов личных имен, построенных по данной модели, находить среди них и безаффиксальные определительные конструкции, и сочетания определяемого слова с приложением. Например, ср.-уйг. *qorutçu oƣul* 'каменщик-сын' или 'сын-каменщика'?

Но изредка среди раннетюркских антропонимов встречаются и такие, которые можно возвести к определенным конструкциям с формально выраженной связью, см. 1а.

1а. Модель "существительное + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа -(s)l". Характерно, что эта модель пока не поддается реконструкции. В числе раннетюркских антропонимов обнаружены следующие примеры: др.-уйг. *qut täŋri xatun*-у 'благодать-Небо-вельможная дама-его', рун. в Монг. *täŋri qul*-у [Самойлович 1935: 637] 'раб божий', ср.-уйг. *jaƣan burqan qul*-у 'слон-бурхан (пророк)-раб-его', ср.-уйг. *hoq šad*-u⁷ 'навоз-šad-его'.

Среди раннетюркских антропонимов нам не встретилось тех, которые восходили бы к определительной конструкции с полной изафетной связью: родительным падежом определения и аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа в определяемом. Отсутствие род. падежа в определительных конструкциях, используемых для раннетюркской антропоники согласуется с нашими наблюдениями о том, что словоформы род. падежа в тексте поэмы "Кутадгу били" (XI в.) несколько менее употребительны, чем словоформы остальных падежей [Благова 1982: 102 примеч. 2].

2. Модель "прилагательное + существительное": по своей формальной организации (препозитивность прилагательного – постпозитивность существительного) эта модель опирается на определительное словосочетание. Особенно были распространены сочетания с прилагательными цветообозначения: *aq baš* 'белая голова', *aq buya* 'белый бык', *aq qul* 'белый (южный?) вассал (> раб)', *qara qan* 'северный хан' (цит. по [Gabain 1962: 114]), *qara čur* 'северный (или: могучий) чур', *qara temir* 'могучее железо', *saryu saman* 'желтая солома', ср.-кыпч. *kök taš* 'голубой камень'. Из числа словосочетаний с относительными прилагательными назовем ср.-уйг. *qutluq bek* 'благодатный князь', *qutluq temür* 'благодатное железо', *ešan temür* 'невредимое железо', ср.-уйг. *menlig seŋin* 'обладающий-родинкой полководец'.

2а. Модель "существительное + прилагательное": по своей формальной организации (препозиция существительного – постпозиция прилагательного) восходит к предикативному словосочетанию. По полученным данным, не всякое прилагательное может выступать в постпозиции. В постпозиции отмечены прилагательные цветообозначения *qara* 'черный' (метафоризация: 'могучий') в ряде антропонимов, а также прилагательные *ulu* 'большой', 'великий' и *qutlu* 'благодатный', каждый в одном антропониме.

⁷ *šad* – один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах [ДТС 1969: 519].

Естественно, наибольшее разнообразие существительных (в отношении семантики) представлено в их сочетаниях с постпозитивным *qara* – здесь используются и социальные термины, и зоологическая лексика, и название части тела живого существа, и названия абстрактного понятия, а также металла, и кроме того причастие и числительные (см. ниже модели 2б, 3а, 4в, а также 5). Примеры: *baj qara* 'богач-могучий', *qul qara* 'слуга (< иноземный вассал [Гумилев 1967: 55]) -с севера', *buɣra qara xan/xaqan* 'верблюдо-производитель-северный хан/хакан', *eş qara* 'сотоварищ-могучий', *baş qara* 'голова-черная', ср.-уйг. *ögrünç qara* 'радость-сильная', *altun qara* 'золото-могущественное'. Прилагательные *uluɣ* 'большой, великий', *qutluɣ* 'благодатный, приносящий счастье' сочетаются с существительными из антропоцентрической сферы: ен. *erän⁸ uluɣ* 'муж(-воин)-великий', др.-уйг. *alp qutluɣ* 'герой-благодатный'.

2б. Модель "прилагательное + прилагательное" по своей формальной организации связана с усилительным словосочетанием. Представлена в одном антропониме: крх.-уйг. *javlaq sary* 'крепко умудренный жизнью'.

3. Модель "числительное + существительное" представлена однотипными (по семантике их компонентов) антропонимами: ср.-кыпч. *alty bars* 'шесть-тигр', *alty buɣa* 'шесть-бык', которые Рашоньи Л. истолковывает как пожелание новорожденному, родившемуся в год тигра (или быка) прожить 6 × 12 лет, т.е. 72 года (имеется в виду двенадцатилетний животный цикл у тюркских народов), т.е. долгую жизнь [Rásonyi 1961: 47–48]; ср.-уйг. *altmıŋ qaǰa* 'шестьдесят-скала' (в 60 лет [крепок, как] скала?).

3а. Модель "числительное + прилагательное" представлена в антропониме ср.-уйг. *altmıŋ qara* 'шестьдесят – могучий' (по-видимому, имелось в виду, что отцу ребенка на момент рождения исполнилось 60 лет), см. в трехчленных именах (модели 5) *jetmıŋ qara aǰqı*.

4. Модель "существительное + глагол", реконструированная нами в виде "существительное + основа глагола" (поскольку используемые при этом глагольные формы в древних и современных тюркских языках по большей части не совпадают), представлена в раннетюркских антропонимах предикативным сочетанием "существительное + глагол в форме прошедшего неочевидного времени на -mıŋ безаффиксального 3-го лица ед. числа". К этой временной форме глагола вполне применимы слова А.Н. Самойловича, сказанные по поводу другой формы прошедшего времени изъявительного же наклонения – туркм. *durdy*: "Форма прошедшего категорического в данном случае употребляется, очевидно, в значении будущего с оттенком уверенности, непреложности и даже в значении повелительного наклонения" [Самойлович 1911: 298].

Раннетюркские антропонимы, построенные по данной модели, имеют первым компонентом существительные из антропоцентрической сферы, вторым компонентом – словоформы *turmıŋ* (глагол *tur-* 'стоять', 'пребывать'), наиболее распространенную, и *toymıŋ* (глагол *toɣ-* 'родить', 'родиться'). Примеры: *beg turmıŋ* 'князем да пребудет', *xan turmıŋ* 'ханом да пребудет', ср.-уйг. *alp turmıŋ* 'героем да пребудет'. При нулевой грамматической оформленности именного компонента этих антропонимов с точки зрения "исходной" (для онимизации) синтаксической конструкции приведенные примеры можно рассматривать как составные именные предикативные сочетания; предикативное сочетание с прямым дополнением можно усматривать в среднеуйгурском антропониме *asuɣ bulmıŋ* 'пользу да найдет'.

Другие примеры – др.-уйг. *er toymıŋ* 'муж(-воин) родился (да родится)', крх. *aj toldı* 'луна вошла в фазу полноты' – благодаря семантике своих компонентов допускают истолкование их как восходящих к простому двусоставному предложению. Вместе с тем антропоним *aj toldı* (поэма XI в. "Кутадгу билиг") с точки зрения формальной представляет собой разновидность рассматриваемой модели: "существительное + гла-

⁸ Лексикализованное персидское мн. число *erän* [Щербак 1962: 120] в тюркских языках сохраняет значение и функции ед. числа *er* 'муж(-воин)', 'мужчина'.

гол в форме прошедшего категорического времени безаффиксального 3-го лица ед. числа".

Исторически изменялся и обогащался круг грамматических форм тех глаголов, которые используются в качестве постпозитивного компонента сложносоставных имен, расширялся набор как именных компонентов, с которыми сочетаются глагольные компоненты, так и семантический диапазон такой сочетаемости. См., например, в современном киргизском именнике мужские имена *tursun baj*, *tursun bek*, *tursun qul*, *tursun aly* и женские имена *tursun aj*, *tursun bübü*, *tursun gül*, *tursun qan* [Исмаилова и др. 1980: 132].

4а. Модель "существительное + повелительная форма глагола 3-го ед. числа на -sU(n)" представлена редкими раннетюркскими антропонимами. Пример: ср.-уйг. *kenč bersü* 'младшего ребенка пусть даст' (обращение к божественным силам), такое толкование допустимо при учете порядка следования компонентов (ср. препозитивное использование *tursun* в киргизском именнике). Отметим, что глагольная модель "*tursun* + арабское личное имя" зафиксирована в "Бабур-наме": *tursun muxammad sultan* БН У: 506 'пусть пребудет Мухаммед султан'.

4б. Модель "причастие на -mlš + существительное": препозитивное причастие выступает определением к постпозитивному существительному, см. др.-уйг. *qutadmyš bars* 'достигший блаженства истинного бытия-тигр', др.-уйг. рун. *ozmyš tegin* 'спасшийся-принц' – и. собств. и титул последнего кагана западных тюрков, правившего в 742–755 гг. [ДТС 1969: 375], ср.-уйг. *jyqmyš taz* 'разрушивший-паршивец', ср.-уйг. *turmyš temür* 'ставшее-железо' (пожелание, чтобы нарекаемый до конца жизни оставался крепким, как боевой металл – железо). Иногда причастие-определение является ядерным для причастного оборота, см. трехчленное личное имя, где причастие управляет основным падежом прямого дополнения *el*: ср.-уйг. *el almyš sañun* 'полководец-захвативший-племенной союз' и однотипное имя ср.-уйг. *kün bermiš sañün* 'полководец-давший солнце'.

4в. Модель "причастие на -mlš + прилагательное *qara*": ср.-уйг. *qutadmyš qara* 'достигший истинного бытия-могучий'.

5. Помимо двучленных сложносоставных имен в раннетюркской антропонимии имелись также и трехчленные имена. Чаще всего они производились за счет присоединения к "двойному" имени титула, названий должности, профессии, племенной принадлежности, возрастной характеристики нарекаемого; при этом титульная часть обычно находится в постпозиции, другие же характеристики могут попадать и в препозицию, не исключено варьирование. Все это не может не затруднять вычленение моделей трехчленных антропонимов и, собственно, при их индивидуальности такая формализация мало что дает. См. примеры: ен. *aq haš atyq* 'белая-голова-знаменитый', ен. *jaš aq haš* 'молодой-белая-голова', ен. *kök amaš tutuq* 'голубой-амаш-военный правитель области', крх.-уйг. *buğra qara xan/xaqan* 'верблюд (-производитель)-северный-хан/хакан', ср.-уйг. *erk arslan sañun* 'могущество-лев-полководец', крх.-уйг. *toğa alp er ~ alp er toğa* 'леопард-герой-муж (-воин)' ~ 'герой-муж (-воин)-леопард', ср.-уйг. *kenč toğmyš tarqan* 'родившийся-младшим (в семье)-тархан'. Интерес представляют раннетюркские трехчленные имена, в постпозиции или срединном положении которых используется прилагательное *qara*. Примеры: др.-уйг. *qylyč küc qara* 'меч-сила-могучий', ср.-уйг. *jetmiş qara ačqu* 'семьдесят-могучий-аčqu'⁹. Проникновение многозначного прилагательного *qara* 'черный, могучий, северный' и других отдельных прилагательных в постпозицию самых разных моделей раннетюркских личных имен (см. выше 2а, 2б, 3а, 4в) позволяет считать эту конструктивную деталь специфичной для антропонимии древних тюрков. А это

⁹ *ačqu* – имя действия от глагола *ač-* 'открывать', 'завоевывать', 'пролагать'.

позволяет подвергнуть сомнению трактовку имени *baj qara* как глагольного, где компонент *qara* якобы является формой повелительного наклонения безаффиксального 2-го лица ед. числа, а "исходное" значение имени – 'богач, богатый + смотри' > 'родись богатым' [Саттаров 1973: 42]. Из этого примера ясно видна необходимость изучения типов и моделей раннетюркских антропонимов, их практическая польза при интерпретировании современных антропонимов.

Помимо вышеперечисленных признаков при определении типа тюркских антропонимов существенным является учет еще двух, прежде не изучавшихся факторов. Во-первых, это валентность каждого личного имени (т.е. активно или пассивно употребляется данное имя, распространено ли оно среди носителей общенародного языка или только отдельного его диалекта). Во-вторых, это комбинаторно-позиционные возможности каждого компонента сложносоставного имени (т.е. выступает ли компонент только в инициальной позиции или же только в непервой позиции, или же может употребляться и в той, и в другой позициях). В тюркской антропонимике этим вопросам в целом внимание также не уделялось, лишь в одной работе, оставшейся не замеченной антропонимистами, говорилось о "выявлении структурных типов варьирования антропонимических словосочетаний" в якутском именнике XVIII в. [Скрябина 1980].

Итак, выше были намечены ряды семантических, формальных и комбинаторно-сочетательных признаков тюркских антропонимов. При большой сохранности раннетюркской АС (см. [Благова 1997]) приложение суммы названных признаков к конкретному антропонимическому материалу современных тюркских языков позволит установить различные соединения этих признаков, на основе которых можно будет обрисовать конкретные типы тюркских антропонимов, их отношение к типам раннетюркских личных имен.

В заключение нельзя не упомянуть о существенном пробеле в самой базовой части тюркской антропонимики, а именно – об отсутствии системности и всеохватности при сборе материала. Это сильно затрудняет как сравнительное, так и сравнительно-историческое изучение тюркских личных имен. Речь идет, прежде всего, об отсутствии более или менее полных именников у целого ряда тюркских народов. В таких именниках, о которых 87 лет назад мечтал А.Н. Самойлович [Самойлович 1911: 299], должны быть отражены и архаизмы, и неблагозвучные, может быть, даже "неэстетичные" (по современному восприятию) имена со всеми их структурными вариантами, с учетом позиции, занимаемой каждым компонентом в сложносоставных именах, для любого данного тюркского языка.

Такие именники лучше бы составлять сразу по единой методике, по единым правилам подачи материала с тем, чтобы в разных тюркских языках они были бы сопоставимы друг с другом и между собой. Все это обеспечило бы выход в тюркскую сравнительную антропонимику, а затем и переход к углубленному сравнительно-историческому изучению тюркской антропонимии.

Необходимым условием для детализации типов раннетюркских антропонимов, их соотношения с современными типами, которые предстоит вычлениить, является углубление сравнительных и сравнительно-исторических исследований в области тюркской антропонимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков Н.А. 1947 – Ойротско-русский словарь / Сост. Баскаков Н.А., Тошакова Т.М. М., 1947.
Благова Г.Ф. 1970 – Женские имена в "Бабур-наме" // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
Благова Г.Ф. 1982 – Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982.
Благова Г.Ф. 1997 – О причинах живучести тюркской антропонимической системы // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997.
БН У – Указатель собственных имен // Бабур-наме. Ташкент, 1958.
Горюлевский В.А. 1913 – К личной ономастике у османцев // Древности восточные. Т. IV (отд. II). М., 1913.
Гумилев Л.Н. 1967 – Древние тюрки. М., 1967.

- ДІВ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.
 ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 Емельянов Н.В. 1990 – Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М., 1990.
 Жанузаков Т. 1970 – Социально-бытовые мотивы в казахской антропимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.
 ИО 1977 – Историческая ономастика. М., 1977.
 Исмаилов С.А. и др. 1980 – Личные имена и их варианты в киргизском языке // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. [Вып. 14]. Свердловск, 1980.
 ИЭИ 1989 – Имя – Этнос – История. М., 1989.
 Кононов А.Н. 1958 – Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л., 1958.
 Манас 1984 – Манас. Киргизский героический эпос. Кн. I. М., 1984.
 Менашиев Я. и др. 1968 – Исмингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968.
 Самойлович А.Н. 1911 – К вопросу о наречении имени у турецких племен // Живая старина. Год XX. Вып. II. 1911.
 Самойлович А.Н. 1935 – Новые тюркские руны в Монголии. II. // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. обществ. наук. 1935. № 7.
 Саттаров Г.Ф. 1973 – Отглагольные антропимы в татарском языке // Ономастика Поволжья. [Вып. 2]. Горький, 1973.
 Саттаров Г.Ф. 1981 – Татар исемнәре, Казан, 1981.
 СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
 СИГТЯ 1986 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М., 1986.
 СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
 СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
 СИИЯРС 1988 – Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
 Скрабина Л.П. 1980 – Личные наименования в документах ясачного сбора XVIII в. на территории Якутии // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. [Вып. 14]. Свердловск, 1980.
 СЛИ 1986 – Системы личных имен у народов мира. М., 1986.
 Старостин Б.А. 1974 – О некоторых структурных особенностях собственных имен // Языковая практика и теория языка. Вып. I. М., 1974.
 Топорова Т.В. 1996 – Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
 Троцкий В.Ф. 1911 – Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов // Живая старина. Год XXX. Вып. II. 1911.
 Трубочев О.Н. 1974 – Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.
 Щербак А.М. 1962 – Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
 Gabain A.V. 1962 – Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // AO Hung. Budapest. T. XV. Fasc. 1–3. 1962.
 Houtsma M.Th. 1894 – Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
 Rásonyi L. 1953 – Sur quelques catégories de noms de personnes en turc // AL Hung. T. III. Fasc. 3–4. 1953.
 Rásonyi L. 1961 – Les noms de nombre dans l'anthroponymie turque // AO Hung. T. XII. Fasc. 1–3. 1961.
 Rásonyi L. 1962 – Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques // AO Hung. T. XV. Fasc. 1–3. 1962.
 Rásonyi L. 1964 – Der Frauenname bei den Türkvolkern // UAJb. Bd. XXXIV. Hf. 3–4. 1964.
 Tryjarski E. 1995 – In confinibus Turcarum. Szkice Turkologiczne. Warszawa, 1995.